

«БЕДНАЯ ИРИНА»

В интервью с Зинаидой Шаховской, опубликованном в московском журнале «Итоги» в связи с ее 90-летием, был упомянут небольшой мемуарный очерк «Бедная Ирина», никогда не публиковавшийся и хранящийся в личном архиве писательницы.

В нем идет речь об одном из самых драматичных эпизодов личной жизни Владимира Набокова.

Зинаида Шаховская хорошо знала обоих героев этой драмы.

Наш корреспондент обратился к Зинаиде Алексеевне и получил ее любезное разрешение на публикацию рукописи в «Русской мысли».

Ирина Гваданини. Париж, 1930.
Фото из архива Т. Морозовой.

Я включила в «Поиски» («В поисках Набокова». — *Ред.*) только часть собранной мной Набоковианы, находящейся в частной коллекции в США. По моей просьбе доступ к ней был открыт проф. Фильду. Среди прочего там имеются мои записи, относящиеся к встрече (и ее последствиям) Владимира Набокова с Ириной Гваданини. Письма Набокова к ней были у меня в руках лет за 10 до того, как Бойд упомянул о них в своей книге, а также та фотография, которую он опубликовал с указанием — «из частной коллекции».

Сознаюсь, мне было очень трудно отказаться от сенсации и уступить первенство открытия кому-то другому. Причина этому умолчанию — да удивятся литературоведы — была этического порядка. Несмотря на мои совсем не дружеские отношения с Верой Набоковой, я не хотела предавать гласности при ее жизни интимную подробность ее семейной жизни, шадя ее самолюбие. Поэтому я поместила в «Поисках» только некомпromитирующую фотографию 1937 года — чаепитие на квартире В.Е. Кокошкиной. Поскольку Бойд с разрешения В.В. и В.Е. Набоковых официализировал то, что так долго замалчивалось, я могу кое-что добавить и кое-что прокомментировать.

Я, вероятно, одна из последних, кто знал Ирину Гваданини в ее молодости в Брюсселе, а затем я увидела ее снова в Париже, уже больной, незадолго до ее смерти. Ни к ней самой, ни к ее семье я близка никогда не была и даже никакой симпатии к ним не чувствовала.

В конце 20-х годов мать Ирины, Кокошкина, имела ресторан в части города, где, как случается, постепенно поселились русские семьи, давно знавшие друг друга. Ресторан был недорогой, и мы, молодежь, туда ходили.

Все мы были более или менее погодками. Ирина, года на 2-3 старше меня, была худенькой миловидной блондинкой (несколько похожей на В.С. Слоним-Набокову, которую я в ту пору еще не встречала) с холодноватым и меланхолическим выражением лица. Как это ни странно, но никаких личных отношений с детьми Кокошкиной ни у кого из нас не установилось: никто из нас «по-домашнему» у них не бывал и они у нас не бывали. Семья была замкнутой, замурована в себе, как бы откидывая посторонних. Не принимала она участия и в жизни русской колонии, достаточно разнообразной для возможности выбора общения. Не бывали они на благотворительных балах, политических или «просветительных» докладах, не участвовали в церковной жизни. Время шло, быт понемногу налаживался, и в рестораны мы ходили редко.

Потом узнали, что Ирина вышла замуж за полковника П.В. Малахова, человека серьезного, уже немолодого, приехавшего в отпуск из Бельгийского Конго, где у него было обес-

печенное положение. После брака молодожены должны были отплыть в Экваториальную Африку, но Малахов уехал один, Ирина за ним не последовала, и это кратковременное замужество окончилось разводом.

Кажется, в начале 30-х годов, когда я, приехав в Париж, зашла в «Селект» повидать русских монпарнасцев, один из них сообщил мне: «Из вашего Брюсселя объявилась здесь поэтесса Ирина Гваданини, зарабатывающая на жизнь стрижкой пуделей», — прибавив таким образом еще одну профессию к самым разнообразным и плохо оплачиваемым профессиям членов Объединения Молодых Писателей и Поэтов Парижа.

Прошло много лет, и в 1968 году — я только что стала главным редактором «Русской мысли» — Ирина Гваданини пришла ко мне в редакцию, находившуюся еще на улице Фобур Сен-Дени, в одном из самых краснофонарных кварталов Парижа. Потеряв свое место машинистки на радио «Свобода» в Мюнхене, она искала работу.

Она произвела на меня самое жалкое впечатление растерянности и неблагополучия. Оклады в «Русской мысли» были нищенские, сотрудники мои рассматривались мною как добровольцы, профессиональных машинисток, в сущности, не было, и машинки были допотопные. Единственное, что я могла предложить Ирине, это поместить в «РМ» объявление и дать ей подработать перепиской рукописей у нас в продолжение недели. Но Ирина пробыла у нас только два дня: работать она была не в состоянии по ее невменяемости. Страдая манией преследования, она в первое же утро утверждала, что за ней в метро следили какие-то люди и что там же, сняв с нее ее красный свитер, подменили его серым; затем, что в конторе «РМ» украли ее дождевик. На третий день она уже не пришла.

После смерти Ирины в Париже посетила меня г-жа Морозова, самоотверженно до конца ее опекавшая. Она попросила меня поместить в «РМ» некролог Ирины Гваданини и ту самую фотографию, которую Бойд опубликовал в своей книге. Эта дама намеревалась послать находящиеся у нее письма В. Набокова к Ирине Набоковым в Швейцарию, «дабы их устыдить». Я ее от этого намерения отговорила, не думая, чтобы это их устыдило: я была уверена, что эти письма будут уничтожены, — уничтожение улик и свидетельств позволяет создать легенду. Благодарная за совет, г-жа Морозова дала мне прочесть эти письма, и я сразу по памяти записала их содержание: эта запись тоже находится в частной коллекции в США. Знаю, что имеется она и в России.

Книга «верноподданного» Бойда была мне одолжена только на 10 дней, я ее подробно не изучала. (Бойд много лет честно работал над своим монументальным панегириком, но под цензурой Набокова труд его — несколько наивен). Я успела все-таки заметить, что письма В. Набокова к Ирине несомненно те же самые, которые я держала в руках: источник тот же, но Бойд

осмелился опубликовать отрывки из них не только с разрешения самого Набокова и его жены, но и под их цензурой и даже с их комментариями.

«Бедной Ирине» и посмертно не повезло: может быть, единственное большое событие в ее тусклой жизни подверглось осмеянию.

Несколько удивляет меня, что Набоков, покинувший Россию не ребенком, а юношей, как будто никогда не слышал о том, что в ней считалось приличным и неприличным. Женщина могла просить своего любовника вернуть ей письма, которые могли бы ее скомпрометировать, мужчине не полагалось требовать возвращения своих. Кроме того, малейшее чувство благородства или хотя капля жалости должны были бы помешать Набокову добавить к унижению разрыва неубедительное признание, что в его растерянных письмах «было много писательского преувеличения».

Всякий, кто прочтет когда-либо эти письма, хотя бы в факсимиле, т.е. с неискаженным текстом, немедленно почувствует, что они — редчайший, может быть, единственный подлинный документ, открывающий нам незамаскированного Набокова. Один почерк уже выдает смятенное состояние писавшего. Никакой литературной игры нет и в помине. (А вот в письме молодого Набокова к его бывшей невесте с юга Франции в 1923 году,

о котором я упомянула в моей книге, прекрасно уживаются душевное спокойствие и литературное кокетство). Нет в письмах к Ирине и выдумки — оттого нет и набоковского словесного блеска. Только в некоторых своих стихах Набоков доходит до личных признаний, помня все же, что они предназначены для читателей, а в потаенных этих письмах слова не выбраны, не проверены и поэтому открывают нам совсем человеческого Набокова.

С возмущением прочла я у Бойда: «Насмешливо улыбаясь, В.Н. говорит: «Самое забавное, что мать была сводней»». Слово это, по Далю, «бранное, непристойное» и к Кокошкиной никак не подходит. Надеяться пристроить Ирину в любовницы к Набокову и этим обеспечить ее материально она никак не могла. Бедственное материальное положение женатого писателя было общеизвестно. Предвидеть, что Набоков станет всемирно известным и богатым писателем, не было никаких оснований. Логически, будущее Набокова в лучшем случае могло сложиться подобно судьбе старших и самых известных эмигрантских писателей, скромно существовавших благодаря помощи организаций и меценатов, да еще переводам — редко многотиражным — их книг на иностранные языки. Меркантильных планов у Кокошкиной поэтому быть не могло. К тому же Ирина, никогда не бывшая

Владимир Набоков, 1937.
Фото из собрания
Зинаиды Шаховской.

красавицей, в конце 30-х годов была уже немолода, и вряд ли, несмотря на материнскую пристрастность, Кокошкина воображала, что дочь ее могла обольстить Набокова.

Гораздо более лестно для Набокова и справедливее по отношению к Кокошкиной было бы признать непреднамеренное последствие первой встречи. Набоков был самым молодым и самым «фотогеничным» из известных эмигрантских писателей. Его выступления всегда бывали событиями. Всякому обывателю естественно мечтать о личных знакомствах со знаменитостями: музыкантами, певцами, актерами, — а для русских поколений писатель и поэт занимал совершенно особое место в этом пантеоне. Не одна Кокошкина с дочерью подошли в тот вечер к Набокову выразить свое восхищение. «Coup de foudre» (любовь с первого взгляда, досл. «удар молнии». — *Ред.*) запрограммирован не был. Удар молнии недаром так называется: он неожидан, необъясним — даже если он недлительен, — и как бы Набоков его впоследствии ни опешлял, в какой-то отрезок времени он был в его власти.

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ

Париж